

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАДИМ ДЕНИСОВ

СТРАТЕГИЯ. ЗАМОК РОССИЯ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д33

Серия основана в 1992 году
Выпуск 780

Художник
В. Федоров

Денисов В. В.
Д33   Стратегия. Замок Россия: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 412 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1228-0

Вы мечтали о «попаданстве»? А не задумывались о том, что не бывает благотворительности при таких затратах — перенос может быть мотивирован лишь решением неких глобальных задач. Готовы? Ну тогда пристегнитесь к дивану, протрясет хорошо! Условия простые: нужно ускоренно построить на Новой Земле новую цивилизацию, ибо итоги старой признаны неудовлетворительными. Кирпичики — национальные сообщества с минимумом людей. Знание? Проект придумайте сами. Помощь? Чуть-чуть поможем. И учтите, это не первая попытка Новой Селекции.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Денисов В. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1228-0

ГЛАВА 1

*Алексей Сотников, пока глава администрации
поселка Заостровский*

Вот первое, что я увидел, — столешница.

И не просто столешница, а Столешница Мечты. Всю жизнь такую мечтал заиметь — добыть и в виде стола внедрить в теплый домашний быт. Сам не знаю, зачем мне такой винтаж нужен. Просто хотелось. Наверное, для «вау-эффекта». Толстая, как справочник ЦРУ для Конгресса США, правда, его и на все языки переводят, деньги делают, видел я этот том в нашей библиотеке. Поверхность столешницы темная, почти черная. Нет, коричневый отлив все же присутствует. Мореный дуб, поди. Древний, суровый, как полярные острова в Студеном море, северными реками на берег вынесенный «мореной дуб навалом». Там же и найденный заготовителями сырья, для элитных мастерских краснодеревщиков поставлен согласно плану. Торец массива весь испещрен, изрезан глубокими бороздками, трещинками. Края трещинок казались гладкими, будто вековое дерево со временем частично обрело свойства пластика и чуть оплыло, сгладив остроту краев.

Сбоку смотреть мне было неудобно, приподнялся на локте.

Точно, стол, столище, огромный средневековый монстр, хозяин феодальных застолий. Его долго и плотно эксплуатировали, износившуюся поверхность изредка остругивали, пропитывали воском «на горячую». Такой он был кондовый, по-дикому вечный, грубый и жадный до преобильного роскошества творений поваров. Банальный салат «цезарь» на него не поставишь — не в уровень, как и пошлую пиццу. Со-

лидная поверхность стола просила ей привычного — натуралистической весомости кулинарии прошлых лет: забытого рецепта лебеда жареного, например, или почек заячьих в сметанке. Кстати, ничего особого в том лебеде нет. Гусь-переросток, да и только. Напрасно у нас их бить запрещают — вредная это птица, злая. И ноль романтики, кроме внешнего вида. По месту сядет — никакой иной птице проходу не даст, заклюет насмерть. Где лебяжья семья поселится — озера вокруг мертвеют. И вымачивать его заманаешься, а потом еще тушить часами до мягкости. А вот как в старину для царских столов этого жесткого монстра жарили — это я без понятия, это я не умею. Хотя интересно было бы попробовать.

На руку глянул: пятнадцать сорок пять. Никаких ерундовых мыслей вроде летаргического или прочего беспробудного сна, «того свету» или галлюциногенного бреда в моей голове не возникло. Кто пробовал, тему знает и не спутает. Все это наяву и все реально. Материально. Ох ты ж... Ладно, что имеем дальше. Зал мы имеем. Или огромную комнату с высокими потолками. Нет, все же зал, в усадьбе или замке. Тоже средневековщина. Все как положено: камин размером с устье метротоннеля, размытые картины неузнаваемых лесов и полей в тяжелых багетах, державки для светильников или свечей, какие-то крюки и пара гобеленов с выцветшим рисунком. Люстр не наблюдается. Балки на потолке, наверное, тоже дубовые. На такие брусья гаражный тельфер можно крепить — вполне опорная конструкция.

И тут меня осенило.

Я же в отпуске, и даже знаю где! Видел я уже нечто подобное, правда, как картинку на сайте. Совсем недавно на Черноморском побережье Кавказа искал место заброса и приглядел в том числе и этакое вот местечко. Расположено между Дагомысом и сочинской Мамайкой, наверху, на перевале. В матером хвойном лесу притаился гостиничный комплекс, наряженный под старинную Европу, — все исполнено в старом замковом стиле, вплоть до беседок, если таковые в тех замках случались. Тупо дерево и кондовый камень. Все мне на сайте понравилось — и вид, и антураж, и цена, а особо согрели три ресторана и меню кухонь.

Стоп, брат... Я же это пристанище тогда гневно отмел! По причине тривиальной удаленности от береговой полосы.

Владелец отеля, правда, обещал гостям доставку на пляж микроавтобусом фирмы по частой сетке расписания, но я не повелся. Если моря рядом нет — сопьешься к чертовой матери, ибо лень быстро побеждает желание трястись в автобусе до пляжа. И потом, пляж сексуально подвигает, тормозит и предвещает. А после ресторанов в большинстве случаев — лишь карсил на тумбочке.

Так, и что это значит?

Во-первых, это значит, что я не в отпуске, хотя давно страдаю без оного. Тяжело мне стало в последние дни, муторно. Три непростых совещания по подготовке поселка к зимнему сезону, скандал с бракованной техникой по последней поставке, увольнение главбуха и расставание со стервой Ирккой высушили меня досуха. Через три дня соби-рался стартовать в нагул и загул, осталось только дела заму передать — и в путь. Зам же только в пятницу приезжал на попутной барже — едет с низовий, от Туруханска. Но это будет в пятницу, а я последним мигом помню среду. Во-вторых, я не пил. Я вообще стараюсь пить мало и редко, употребляю контрольно, предварительно оглядываясь. Должность и опыт приучили выпивать лишь с проверенными и в проверенных местах.

Точно... Было так.

Я вышел на крыльцо администрации, по привычке хозяйски оглядел поселок, выцепляя взглядом малейшее неладное. И ведь нормально все было! Поселок лежит в состоянии покоя. Енисей тихий, кучевые неспешные, ветерок легкий. Вверенный мне населенный пункт как вымер, ибо все, кому положено, работают; время послеобеденное, и даже новенькая детская площадка возле детсада — моя личная гордость — пуста: спят еще детки тихим часом. Пыль вдали стелется. Это участковый на своем старом казенном «луноходе» проехал в сторону деревни Верхняя Курья, его теща там проживает. У Миллеров возле дома опять стройка идет, отрезная машинка верещит. Как всегда, полный порядок: сколько его помню, все прирастает постройками. Основательный народ немцы. Лет двести как поселились тут, и побольше бы нам таких жителей... Есть и непорядки. «Урал» сломанный, мехмастерские так и не отбуксировали от скла-

дов — сколько можно говорить, премии главного механика лишить, что ли?

К берегу, твякнув пару раз, судно-обстановщик подходит, рулевой по привычке целит чуть дальше дебаркадера, ближе к углеразгрузке. А на кораблике том нужный человек Хитрый Степанов меня ждет — с ним мы и поедем на правый берег, посмотрим новую заимку капитана. Еще он мне привез нечто ожидаемое «не для всяких глаз», да и мне в ответку ему кое-что перекинуть надо. С Хитрым Степановым мы в последнее время как бы спелись. Притерлись и много раз проверились. Капитан при своей работе обладал определенными степенями свободы в распоряжении пароходом и экипажем, что ценно. В последнее время наши совместные макли стали чуть посерьезней, хотя и без фанатизма старались, не наглели. Даже с запретной икоркой, стерляжьей и осетровой, удалось операцию повернуть... Не надо щурить глазки, ага, — что делать, у какого главы администрации енисейского поселка нет сумеречных, образно говоря, дел. Края дикие, народ вольный, тут свои законы, ну и хватит об этом.

Сам я служебную машину не вожу. Нет, никакого снобизма. Как и лени — я вообще не ленив. Не то чтобы не люблю порулить: просто одному по моим делам ездить несподручно. Глеб при мне шоферит, он же и порученец, и помощник. Да и за техникой парень следит отменно, а техника не любит много управляющих рук. Ну водитель мой курил возле прогретого «патриота», я шагнул с крыльца к машине, но, ругнувшись вполголоса, вспомнил, что забыл нечто важное для Степанова и особо акцентированное им радиюно при последней связи. Махом влетел назад и сунулся в, скажем так, подсобку своего кабинета. Так, вот они, блок «кэмела» и ракетница. Сигареты кончились у водоплавающего приятеля, а ракетницу я давно ему обещал подарить. А сегодня, повторюсь, среда, и потому продавщица магазина отгульно сидит дома с внучкой, по договоренности со мной. А магазин у нас в Заостровском, опаньки, один, и в среду ничего не купишь. Чего же вы хотите, поселковая специфика. Блок я сунул за пазуху куртки, пачку сигналов красного цвета в карман, а «макаровскую» кобуру с ракетницей в руку... Шагнул назад.

А потом — бенц! — и на тебе вот, столешница.

Собственно, «бенца»-то я никакого и не припомню, если честно.

Наверное, все происходило куда как более ламинарно, плавненько так, щадяще. Как моргнул. Просто открыл глаза глава администрации поселка Заостровское Лешка Сотников — и нате вот, пялится дураком на эту самую столешницу и сероватые гобелены на каменных стенах. Кабинет со всеми заботами и делами остался где-то позади, как и Енисей с парходами, как и вверенная мне административно-территориальная единица. Сам я не то чтобы комфортно, но достаточно удобно лежу на какой-то узкой кушетке в том самом «мягком» ворсистом камуфляже, в котором и вышел к машине, — люблю такие. В свое время приноровился сетевым способом заказывать качественную снарягу в американском «кабеласе», с доставкой аж до Турухи, а там забирают хорошие люди. Вот до чего прогресс в сфере коммуникаций дошел — до матерой тайги. Дорого, правда, зараза, но оно того стоит.

Набивка кушетки кочковатая, но пружин под локтем не чувствуется.

Разжал вторую руку — кобура с ракетницей со стуком упала на пол.

Из этого что следует? Следует, что я не спал в отрубе, иначе непременно выпустил бы ее из рук куда как раньше. Да и блок смял бы в лепешку, а он вот, целый, шуршит за пазухой. Потряс онемевшей кистью, достал курево, сел осторожно, помял рукой кушетку. Так и есть, сена напихали, и это диковинно даже для дальних наших краев. Может, такая практика истинно посконна и легендарна, но только исполнено дело халтурно, а халтуры я не терплю — во всем, это стоит учесть всем, кто собирается со мной общаться. И управляющего всем этим старинным колхозом стоило бы хорошенько взгреть.

Я оглядел глазом залу уже более внимательно, отметив, что голова при повороте немного болит и слегка кружится. Но не похмельно и не от отравы типа наркоза — такое не забывается.

Деревянные полки по верху стен на опорных треугольниках вижу, а что там лежит и лежит ли вообще — не видно: света мало. Да его как бы и нет. Сами стены из крупных ка-

менных блоков, никакой штукатурки или покраски. Пистой, а как же драпировка стен тканью? Шелком там или ситчиком-парчой какой, ну, знаете, нарядные обои продаются под такой стиль. Нет, все же шелком надо — в противном случае клопов разведется уйма. Или не разведется? Ничего про то не знаю. Знаю только, что шелк когда-то был дорог, лишь короли да герцоги, наверное, стенки свои обтягивали. Был дорог? Век-то какой на дворе, а? Интересная задача... В голове помаленьку начали размножаться идиотические и не очень версии — многие, кроме одной: допустить, что меня выкрали и вывезли к черту на рога, я не мог. Нет причин для такой акции, как нет и причин потратить столько сил и средств, чтобы вывезти меня с таежного Енисея в те места, где такой антураж может быть воссоздан...

Что же, будем находиться в обстановке, ориентироваться по ветру, который наверняка есть и откуда-то дует. Встав с кушетки, я подтянул ремень на полукомбезе, оправил куртку, выполнил «обезьяний ритуал», похлопал обеими руками по многочисленным карманам — все «выездные мелочи» на месте. Документы на месте, складной ножик «милитари» — в боковом накладном на правой штанине. Сотовый телефон у меня есть, но сейчас его со мной нет. Не дотянулись до нас сотовые провайдеры, так что я его складывал в карман только при поездке в города или в зоны покрытия... Вот откуда у меня наличествует твердая уверенность в том, что сотовые телефоны мне не пригодятся, а? Это работает интуиция, сиречь опыт, помноженный на знания. Зато рация на поясе есть: мьльница Yaesu VX-3R, удобная такая крошка для оперативной связи на небольшие расстояния. Поставил ее на гигантский стол и включил сканирование по всем диапазонам — уж куда дотянется: сейчас любая информация в строку. Красные циферки на дисплее побежали в поиске сигнала, а я неспешно пошел в обход помещения.

Окна имелись с двух сторон. Справа от камина, окруженного низким столиком и тремя мощными стульями с высокими спинками серой мглой, светились даже не окна, а скорее бойницы, две штуки. Подошел я к этим щелям и с интересом глянул в мир.

В миру шел слабый дождь.

За косой пеленой мороси — полоска то ли леса, то ли ле-

сопосадки, с полтора километра дистанция. Между мной и лесом раскинулось дикое поле, луг, силуэты каких-то небольших строений неподалеку.

Справа — река. Серьезная река, ключевая артерия, судя по ширине. Хорошо видно только один берег — мой, но, судя по всему, артерия вполне себе матерая, полноводная. Водоворотов не видно, стремнина размыта, значит, низина вокруг реки без скальных сужений. Хороша речка, но бакенов не наблюдаю, да и парашоудов-то не видать, не слышать. Плохо это, ой плохо.

Так, судя по всему, я нахожусь на высоте третьего, край, четвертого этажа. Я бы сказал, что выглядываю из башни: зря бойницы прорублены, что ли? Бойница, через которую я знакомился со средой, узкая, головы не просунешь. Эх, зеркальце бы мне «гаишное». Подумал, высунул руку под капли. А что, вполне — не холодно, за бортом градусов пятнадцать-восемнадцать.

Я опять глянул на часы. Они у меня хорошие — имею слабость к дорогим качественным механизмам, хоть и не могу назвать себя богачом. Стрелки «Омега-Симастер» показывали, как и должно быть, время до злосчастливого «бенц» — почти четыре часа дня. Ни фига. Здесь сумрак не по времени и скорее утро, чем вечер, я всегда чувствую это. Вечером природа стихает, что ли, успокаивается, устает за день. И даже если ненастная, то все равно сонная. Горожанину того не понять. У «омеги» есть инерционный автоподзавод, очень хороший. Но если бы я провалялся пару суток неподвижно, часики встали бы — это еще один факт. Интуитивно поставил половину шестого утра — просто для ориентирования во времени.

Со стороны стены с бойницами в контрпозиции — два боковых дверных проема продольных стен, на одной дверь приоткрыта. Двери — как столешница, и этим все сказано. Осторожно заглянул в левую, открытую — ага, там спальня. Кровать вижу огромную и, очень надеюсь, мягкую. После службы в армии раз и навсегда поклялся я спать только в мягких просторных кроватях, и пока это получалось. Но сейчас мне не до сна, и опробовать мы ее не будем.

В спальне — овальное настенное зеркало, старое, с осыпающейся амальгамой. Посмотрел на свою настороженную

и удивленную морду лица. Из спальни вход в санузел типа сортир — ничего себе, какие блага тут есть! Это что-то позднее, модернизация на колхозном уровне. Дырка в полу неизвестно куда, таз да большой медный кувшин с водой.

Противоположная дверь заперта. Вот и пусть заперта, успеется.

Рядом с дверью по обе стороны выстроились два огромных комода, из ящиков торчат ключики. Подошел, повывинул все подряд. В одном из верхних нашлись связки свечей, перетянутых бечевой, много, в другом навалом лежали несколько латунных или бронзовых подсвечников. В нижнем ящике левого комода — большая связка бородчатых ключей покрупнее, на всех бирки с номерами. Остальные ящики пусты. Зарядил два подсвечника, поставил на стол, стало посветлей.

На дальней стене красовалось большое окно ячеистого типа. На ум пришло слово «витраж», но цветных стекол не было — рядовые, прозрачные, хоть и маленькие. У окна стоял тот самый стол-переросток, по обе стороны подоткнутый стульями. Сбоку — уже родная кушетка. На полу — ковер восточных кровей. Тоже старый, но чистый. Вообще пыли в помещении незаметно, как и запаха затхлости. Как и жизни, впрочем. В чем тут тонкость? Попытался определить главное несоответствие покоев с реальной средой обитания и быстро понял, что мне бросается, точнее, не бросается в глаза — маленькая, даже аскетическая детализировка всего зала.

Нет должных мелочей. Барахла нету. Нет вазочек и книг, платочков и полотенец, кружек и чашек. Ничего нигде не валяется — ни бумажки, ни тряпицы. Не обжито гнездышко.

Напротив камина красовалась двустворчатая дверь с обвисшими вниз симметричными бронзовыми ручками — приоткрыта, значит. По логике планировки — это и есть выход на волю. Сходим, сходим, только еще оглядимся немного и направимся. Задержавшись возле кушетки, я поднял кобуру с ракетницей и на всякий случай прицепил ее на ремень. Хоть и не боевое оружие, но порой себя оправдывает и вмазать может очень и очень серьезно, был опыт.

Рация тем временем пробежала весь диапазон и не нашла ничего. Отчего-то я не удивился, выключил прибор и спрятал в чехол: еще неизвестно, как и когда будет случай подза-

рядить. Бросил взгляд на сигаретный блок и тяжело вздохнул. Не видать Степанову курева — не сладилось у нас. Я честно и долго стараюсь... хотя бы просто поменьше курить, но результаты той борьбы настолько кислые, что и рассказывать неохота, стыд один. Все перепробовал, все методики — а бросить не могу! Сегодня вот вообще планировал не курить, и сигарет-то с собой не взял в дорогу. Теперь — отмена благого замысла; вскрыл я блок, достал пачку: все-таки железный повод есть, согласитесь. С ненавистью отметил, что поводу сему радуюсь.

Обошел стол, не забыв с удовольствием провести рукой по фактурной поверхности, открыл обе створки окна и устоялся во двор замка.

Воздух свежий, хороший, легкий. Хрен тут, а не цивилизация.

Закурил, густо пустил дым в просветляющееся небо. Так и есть, башня. Заточили, гады, принца. Не выйдет мне вернуться к очередному совещанию в Красноярске. На поселившуюся тревогу навалился еще и страх, на какие-то секунды затмил все. Дикая масштабность операции поражала воображение. Это какой же бюджет надо иметь, чтобы перекинуть так вот запросто человека невесть куда! И зачем все это? А ведь за все приходится расплачиваться. Из опыта знаю, что если такие фонды и ресурсы в дело вбуханы, значит, спросится.

И это мне не нравилось особо.

Осторожно облокотился о подоконник. Смотрю и не вижу, рефлексии накатывают. Успокойся, давай нервничать медленно. Вслушался в себя: что я потерял, если потерял? Или об этом пока рано, раз ясности нет? Рано — не рано, а прогноз хреновый. Редких и далеких друзей? Коллег по работе? Или Поселок, ставший смыслом жизни?

С усилием переключился. Смотрим. Двор приличных размеров, еще и домики с высокими крутыми крышами тесно выстроились в центре, линией. Красивая красная черепица скатов, зубцы, башни, оконца разных форм. Черт-те что, «Союзмультифильм». А трубы-то не дымят, и тут все не обжито, сразу почувствовал я. Мне как-то воинскую часть передали на разграбление, после того как Ельцин очередное свертывание сибирских рубежей произвел. Вот там так же

было. Ее построили, а обжить не успели — вывезли локаторы, и только. Даже антенное поле осталось. Не успели люди послужить Родине, не успели солдатики дух живой вдохнуть в комплекс. Такие деньги в землю зарыли... Ладно.

Вот уж тут с детализировкой картинки было все нормально — куча всего мелкого и крупного интересного. Крылечки с навесами, тоже черепицей крыты. Мать моя, флюгера на крышах! Ходы-выходы, кованые вазоны на подоконниках домишек, даже вывески какие-то на кронштейнах гнutoго металла. Впечатляющее обилие малых архитектурных форм. Все покрыто брусчаткой — и не бетонным цветным новоделом, а камешками с речки, оббитыми, обкатанными. Не ко времени подумалось, что внутрь можно пускать только колесную технику. Иначе хана брусчатке будет — гусеничная ее изуродует, поцарапает. Жаль такую красоту портить, тут колесный трактор нужен. Нужен? О чем я вообще, какой на хрен трактор?

Надо же, даже площадь маленькая имеется, с бассейном или фонтаном.

Итак, это не просто замок, а микрогород. Нет, даже не микро, а наногород, так актуальнее и честнее. Крепко сбито. Однако неплохое хозяйство тут можно завернуть, на такой-то базе. По неискоренимой производственной привычке, из-за которой таких администраторов плохо терпят родные и близкие, машинально стал прикидывать стоимость всего этого чуда и варианты освоения.

Слева красовалось самое дальнее здание, прилепившееся к стене в глубине двора. Собор с крошечным каменным заборчиком. Крыша остроконечная. Впрочем, при такой тесноте все вверх потянется. Внизу под навесом стояли возбужденные люди, человек пять, о чем-то спорили, в скороговорке расслышал «быть того не может» и «точно вам говорю». Два молодых парня забрались на противоположную стену и что-то там разглядывали. Женщины стояли отдельной кучкой. Одеты все кто как, но, как показалось слету, все мои современники. Поселковых не было: я всех своих не то что в лицо — в спину и сверху узнаю. Какой-то женский голос выводил рыдания, обладательницу успокаивали, где-то истерил ребенок. Детки постарше стрелками пробежали, на них кто-то заорал, загоняя в помещение.

Во дворе властвовали Ворота — настоящее чудо работы плотника-великана.

Еще одна группа активистов топталась возле них и безнадежно ковырялась в навесном замке длинной затворной пластины. Замок надежно закрыт замком. Стены с зубцами, правда, не везде. Стены не нависали, не подавляли и казались ниже, чем есть на самом деле. Скорее всего, по ту сторону цитадели впечатление совершенно противоположное. Не прыгнешь. Темные галереи с арочными пролетами под стенами, двери... Это что, стойло? Ничего себе, тут и гараж можно разместить. Еще постройки, какие-то балки, перемычки между домиками, сарай... Все такое вот... надежное, капитальное, неубиваемое, как танк.

Ни хрена это не Дагомыс с Мамайкой, ребята. Это гораздо серьезнее.

Я не в отпуске. Я — попал.

Затянулся я последней затяжкой, протянул руку, и накопившаяся капля услужливо потушила табачный остаток. Окурочек я ловко упихал в длинный глиняный горшок с останками высохших цветков, висевший на подоконнике с декоративными целями, и только тогда понял, что не закурил. Оставил одну створку приоткрытой: надо слышать, что происходит на улице. Ладно, давай разбираться дальше. Оглянулся и только сейчас заметил большой черный ключ, лежавший на широкой каминной полке серого мрамора. Ну вот, Буратино, главную дверочку теперь можно и открыть, что-то там тебя поджидает... А мы торопиться не будем — как говорят наши ненцы: «Торопиза нада нету», — но за ключик спасибо! Почтили доверием, значит... Взял ключище, сунул в карман — тяжелый, гад, так не пойдет. А повешу пока здесь, на стенку. Рядом с гобеленом вот этим, с гусями в пруду.

Разбираться будем... Думать.

И как тут думать? Данных мало, мало информации. А пепельницы-то и нет. Курить мне, предвижу, много придется, а такого нужного предмета не имеется в наличии. Сел на стул возле камина — вот тут есть куда стряхивать. Ноги положил на столик. Стул оказался не стулом, а креслом, весьма и весьма удобным. Креслом тех времен, когда сидеть полага-

лось с прямой спиной, красиво и надменно, а не как нынче — свернувшись в форме какашки на мягких теплых подушках перед телеком. Кстати, прохладно в помещении, неплохо бы эту печку растопить. Ведро есть, но пустое. Не новое, но даже следов угольной пыли нет. Кочерга есть узорная, рядом совок на длинной ручке. А вот топлива явно не хватает.

Вводных действительно мало. Ну попал, и, судя по всему, далеко не один: целой оравой забросило. Есть я, еще не старый видный мужик, высокий, морда самоуверенная, стриженный блондин, в частичной физической форме с уже заметным пузиком, которое периодически стараюсь сгонять в минимум. Есть еще какие-то люди с проблемами. Есть замок, и есть серое небо, из-за которого не поймешь сразу, какое время на дворе, что за сезон. Звезд не видно, солнца тоже.

И тут тренькнуло.

SMS-ка пришла... Какая, к черту, эсэмэска! Сотовый мой даже не в кабинете, а дома, в прикроватной тумбочке холостяцкой спальни. Правда, и у рации есть функция передачи текстовых сообщений, но тут не тот случай: сигнал там характерный, да и выключена она. Тренькнуло еще раз — звук шел из запертой комнаты. Я медленно встал, собираясь с мыслями и готовясь ко всему, медленно открыл дверь в помещение.

Я люблю фантастику.

Читаю, правда, немного и нечасто, времени нет. Многих фанатов чтения такое заявление покоробит, но это правда. Нет времени. Нет не то чтобы на чтение книг — нет времени переключиться в то самое состояние, когда мозг способен воспринимать чужие фантазии, способен абстрагироваться от бесконечных текущих проблем такого сложного организма, как енисейский поселок, его вечных «сломалось», «не пошло», «закончилось» и «срочно требуется». Ляжешь поздним вечером — и вместо того, чтобы отдохнуть с помощью чужих мозгов, в темноте продолжаешь ломать свои, пытаешься найти очередной способ и выход. Читаю я, читаю — беру книги в читальном зале: специально библиотеке денег выделил на закупку новинок.

Наш электронный гуру, Витька Хакер, умудрился с по-

мощью спутниковой тарелки прилепиться к халявному безлимиту. И он, став единственным частным лицом с домашним инетом, все время старался приобщить меня к электронным книгам, но я влиться в тему так и не смог. Не могу с экрана читать — с души воротит, безжизненно это. Иногда, если читать не можешь, так хоть тупо пялишься в страницы, медитируя уже не с помощью текста, а расслабляясь чисто тактильными ощущениями книжного тома в руках. Чтение у меня рваное, часто приходится назад отскакивать. Какой экран... Дурь это. Раз читаю редко, так хоть читать надо настоящее, проверенное по всем многовековым итогам воздействия на людей. На сорокапятилетие мне в Красноярске среди прочего нарядного еще и планшет подарили с надкусанным яблоком. Я честно попытался применить его в повседневной работе и довольно быстро понял, что это нам пока рано. Это у нас пока только хвостовство продвинутостью такое, или развлекуха во время рабочего дня. Орудие бездельников. Планшет я снес в школу: пусть старшекласники по очереди учатся остромодному — я всегда ревниво отношусь к восприятию моих поселковых ребят в городе, стараюсь, чтобы не очень отставали от сверстников в мегаполисах. Пытаюсь хоть как-то нивелировать. В Москву дороговато будет, а вот на каникулы в Питер уже два раза своих школьников отправлял — пусть приобщаются.

В общем, планшет я сбаврил.

А сейчас увидел вновь.

Такой же, судя по диагонали экрана, или похожий. Попробуй я его не увидеть, если он светился нежно-синеньким! Планшет чуть выступал, будучи встроен в каменную, как мне показалось, крышку небольшого столика или тумбы, стоявшей сбоку от двери. На дисплее в углу в белом квадрате мерцает точное время: двадцать пять минут седьмого — тут я почти не ошибся. Автоматически поднял руку и первым делом точно выставил свои часы. Будем считать, что первый шаг сделан. Кроме тумбы с экраном в большой пустынной комнате имелся постамент. Тоже вроде каменный, темный. Сплошной массив, поднятый от пола сантиметров на тридцать, параллелепипед размером где-то три на шесть метров. Над плитой на потолке — точно такая же беда висит, будто приклеена, страшновато нависает чудовищной тяжестью.

Жуть. Напротив меня два оконца, закрытые матовым стеклом. На улице достаточно прояснилось, и в помещении света хватало, чтобы разглядеть детали. Впрочем, никаких деталей просто не было. Стул возле тумбы стоит. Прочный, но простой, не чета каминным аристократам по соседству. Вот и все детали, думай что хочешь. Все, больше в комнате ничего нет. Была еще одна дверь, заглянул — небольшое и абсолютно пустое помещение с одной бойницей.

Зато плита не пустовала.

На ней лежали три листа бумаги форматом, близким к А3, общая тетрадь и пачка гелевых ручек. Более странной композиции я себе и представить не мог. Тетрадь с очкастым переростком на обложке, привычно изображающим Гарри Поттера, была девственно чиста, а вот листы бумаги — нет. Такие сюрпризы читать стоя не рекомендуется. Предчувствуя интересное, может быть, критически сейчас важное, я сгрэб все это дело и вышел из жутковатого склепа в зал, где и попытался устроиться поудобнее в кресле, — не получилось. Тут с полным кубком какого-нибудь там бургундского хорошо сидеть, на мерцающие угольки глядячи.

А в таких делах надо присесть по-рабочему, да вот хоть за столом за этим знатным. Сел у самого окна. Второй раз в жизни я боялся перевернуть листы бумаги. Первый раз случился три года назад, когда мне принесли представление краевой прокуратуры по факту проверки исполнения бюджетного законодательства. Ладно, чего выжидать. Тем более что шум во дворе постепенно усиливался и надо было что-то со всем этим делать, а то люди начнут пытаться сбить в кровь руки о ворота или учинят показательные прыжки со стены...

На первом листе был изображен подробный план Замка.

Чертеж с подписями на родимом русском языке. Многие помещения, кроме функциональных подписей, имеют и номера, некоторые только под номерами, значит, ключи от них. Ценная бумага, нужная, жаль, кое-что мелкогато — могли бы и расщедриться на формат побольше, ворчливо подумалось мне. Минуты три я изучал план, все больше удивляясь плотности внутренней инфраструктуры.

А собственно, чему тут удивляться? За столетия архитектура подобных объектов достигла абсолютного совершенства и в приближении к идеалу учитывала все особенности ор-

ганизации быта и обороны, все нужды служб и подразделений подобного комплекса. Если заказчик не надувал щеки в погоне за самобытным и не корчил из себя Фрэнка Ллойда Райта, а подходил к делу со всей серьезностью, то поступал просто — нанимал архитектора-строителя и опытного распорядителя. Эти, уж не знаю — по каталогам, что ли, — подбирали вариант. Из лучшего мирового. Если в те времена каталоги существовали. Вот как-то так. По-любому, смета адская. В наше время подобное сделать просто невозможно — после трех мировых кризисов влить такие немислимые деньги без ясно видимой финансовой или достойной имиджевой отдачи мало кто способен. Это ведь не яхта, в Сан-Тропе на смотрины не завалишь. Даже если такой объект очень дорого сдавать в аренду, хрен влитое быстро отобьешь, а уж сверхприбылей точно не получишь. Лучше уж мегамолл слепить, еще и дешевле будет.

Второй лист поразил меня до глубины души.

В мое распоряжение был любезно предоставлен список всех, кто очнулся в этом замке вместе со мной. Первое, что я подумал: это Проект, отныне это уже очевидно. Проект неизвестными затеян взрослый, яркий, с далеко идущими планами. Тут женскими стонами и детскими рыданиями никого не разжалобишь, Проект не свернут, и никакую зарезанную девицу на «ой, мамочки родные» назад не выпустят. Не за тем старались. Обратной дороги не будет. Ладно... Теперь у меня есть некие исходные данные. Сто двадцать человек собраны в периметре замковых стен. Кругленько. Похоже, в этом устроители поступили тупо, применив лобовой подход: пятьдесят женщин, столько же мужчин, и сверху накинули двадцать детей в возрасте от грудничков до шестнадцатилетних лбов. Вот здесь мое ко многому привычное сердце кольнуло холодом. Дети — это очень серьезно, это особое. Неведомые мне кадровики поработали на славу. Алфавитно расположенный в одну колонку список фамилий, имен и отчеств сопровождался былыми должностями и местами работы. Сразу бросилось в глаза то, что в нем достаточно много людей семейных. Специально, что ли, так сделали? Решили смазать маслицем, соломку подложить? Меньше слез — больше дела?

Я не стал второпях изучать документ: меня ждал лист номер три.

Этот лист бумаги заслуживал того, чтобы его разбирали особо, не торопясь, по мере правильного восприятия коротких, вертикально рубленых строчек текста. Хотя и написано-то всего ничего. Это если по числу знаков. Но не смыслов. Буквы русские, слова русские, а вот сам стиль написания — мутный, непривычный. Казалось, что некоторые слова в таком контексте имеют несколько иной, не обыденный смысл.

Платформа: 5

Тип поверхности и рельефа: 4А

Агрессивность среды: общий режим сезонно

Плотность биоценоза: средняя

Техногенная плотность: низкая

Тип поселения: селективный кластер

Форма поселения: укрепленное тип 2 с сателлит-комплексом тип 2

Стержневой этноформат: русские

Характер инфокоммутации: дискретный

Характер донор-акций: дискретный либо отсутствует

Наблюдение: особый режим

Генеральная задача: общий режим

Дополнительные задачи: отсутствуют

Степень самостоятельности: полная

Ожидаемая адаптация: выше средней

Ожидаемый откат: не определен

Ожидаемая организация: средняя

Ожидаемая дезорганизация: выше средней

Условия входа в общий режим:

Для внешнего включения режима необходимо в конечный отрезок времени организовать и задействовать представленный человеческий ресурс кластера сообразно представляемым задачам и способам их решения, создав работоспособный анклав. Допускается незначительное снижение количественного состава. Не допускается возникновение на базе поселения двух и более автосообществ, вне зависимости от причин, целей и глубины разде-

ления. Срок завершения организационного процесса — не позднее 10.00 текущего дня.

В случае успешного выполнения условий лист № 2 с установленной структурой поселения и выбранным названием-идентификатором кластера (анклава) необходимо положить на донор-панель, выйти из операционного зала и ждать появления сообщения на дисплее инфоканала.

При выполнении всех условий откроется дискретный донор-канал. Материальная поставка будет производиться по оперативному ассортиментному заказу, ежедневно, в одно и то же время. Формат канала:

1. Группа предметов и товаров материального жизнеобеспечения и потребления — ассортимент неограниченный по качественному и количественному составу.

2. Группа вооружений — ассортимент вариативно ограничен по количественному и качественному составу.

3. Общий суммарный вес по всем группам заказываемой ежедневной доставки — 300 кг. Общий вес ежедневной поставки (ширина канала) может изменяться в зависимости от ряда факторов.

4. Время ожидания от момента окончания ввода перечня до момента начала работы канала — не более 2 минут.

5. Время сеанса ежедневной донор-акции от начала ввода до завершения поставки — не более 40 минут.

Определяющее: в случае невыполнения любого из указанных условий оба канала сворачиваются, кластер переходит в автономный режим, генеральная задача снимается, наблюдение переходит в общий режим.

Дочитав, я не сразу смог разжать руки, чтобы положить уже смятый по краям документ на стол. Но положил, расправил. Да уж...

Адреналиновый душ щедро поливал спутанный клубок разгоряченных мыслей и чувств. Что толку, что в фоновом режиме я размышлял и прикидывал, создавая в голове набросок картинки с самого начала, как только очнулся.

Знаете, что меня больше всего зацепило в этой руководящей и направляющей депеше? Разозлило до немоты локтей! Нет, не сам факт беспардонной переброски группы ни в чем не повинных людей в зону какого-то эксперимента или что

бы там это ни было, это скотство я уже пережег в себе до терпимого уровня еще полчаса назад. Не косноязычность документа, сляпанного так, чтобы я понял только самое основное и, не дай бог, не вник в детали. Не туманное обещание подачек и не отсутствие хоть какой-то попытки смягчить шок от такого привета. Меня закусило на последних строках «шапки характеристик».

Значится, коли вы русские, то сможете адаптироваться к любому дерьму, это всем известно. И по той же причине наверняка перегрызете друг другу глотку, устроив гражданскую войну в рекордно короткий срок. А потом откатитесь в Средневековье, в лучшем случае, где вам, русским, самое, что ни на есть место. Вот суки.

Хватит, давай-ка, успокойся, Сотников, иначе зубы сотрешь раньше срока.

Лады, мы еще посмотрим. А ведь именно меня выбрали на роль ответчика по всем пунктам этого «проекта»! Ну это я понял с момента нахождения ключа весом с полкило. На тебе ключик, три бумажки — и валяй, вкальвай, Алексей Александрович, мы тут уже контролеров из счетной и прокуратуры приготовили тебе в помощь. Удивительно, но именно в этот момент мне капитально полегчало. А что, ведь теперь, по большому счету, все ясно!

«Так что, Сотников, ты волком на начальство не гляди, ты цени оказанное тебе доверие. Ты сюда гляди: мы дали тебе бюджет, фонды, территорию, успешные примеры в крае есть, и ты их знаешь... Техники много не дадим, но какой-то лимит установим. На следующий квартал. Кадры тебе подкинули, извини, уж какие имеем, другого народа в стране нет. Нормально себя поведешь — еще что-то подкинем, как-то поможем. В основном ценным советом. Порядок наведи, план развития к следующей неделе, защита в конце месяца. Заявки в департамент вовремя сдай. Ну ты не мальчик, все знаешь, опыт у тебя есть, и потому спрашивать будем по полной. Обрати внимание на рост правонарушений — в МВД тебя зеленым обвели; перерасход топлива за поселком хронический — разберись, поправь»...

Пелядь, такая рыба, да как же все это знакомо!

Как все это привычно и паскудно-то, а. Неужели и в дальнем космосе, и на том свете все равно все так и делается? Не-

ужели вся эта административная кудель и есть то самое основное-заглавное, чего наша распрекрасная цивилизация прогрессорски, мля, выработала за тысячелетия? Уф, а ведь действительно полегчало! А как же, на вечном стоим, оказывается, на святое опираемся. И действительно все привычно.

Потому что номенклатура форева.

Открою вам секрет: номенклатура бывает двух видов. Одни — «преданные».

Вы знаете Петьку Штыкова с детства, и никогда Штык себя не проявлял ярко либо толково. И вдруг по прошествии лет вы с удивлением начинаете волей-неволей с ним информационно пересекаться. Штык каким-то чудом начинает ползти по должностям, ничуть не изменившись в своей бездарной сути. Вы все чаще слышите о нем, и вот, как апофеоз генезиса «преданного» работника, бывший дворовый козел и вкладчик Петрофан является вам в телевизоре, где с тупыми глазами невнятно бормочет из ящика, стараясь ответить на тупые же вопросы местечковой телеведущей: он теперь, надо же, депутат от партии «Непреклонная Россия»! Да, да, его всю жизнь двигают, как пешку, по нужным ситуационно должностям и рельсам, где он всегда справляется, ибо сами должности бездельны. Двигают потому, что он истово предан начальству и готов сделать все, что ему прикажут. Эта самая преданная исполнительность и есть единственное организационное и политическое достоинство такого типчика. Их берегут, пока нет обязательных к решению, действительно сложных задач и пока позволяет смета, ибо это тоже номенклатура. Их тащат за собой из региона в регион — по пути следования начальника-матки. «Преданные» — материал нужный, но все равно расходный. В случае чего, набрать новых задолизов большого труда не составит.

Других можно назвать «ответчики» — это ломовые лошади административной работы.

Такого человека ставят раком на кучу дерьма, и через какое-то время он из полученного делает вполне себе работающий агломерат. Чаще всего такие люди сидят на должностях без движения, потому как объекты их патронажа действительно сложны и нестабильны априори. Из этой рабочей номенклатуры никогда не выйдут депутаты краевого, а тем бо-

лее федерального заксобрания. Они неуступчивы, ругливы и ворчливы, аппаратный планктон головных организаций их терпеть не может. Неуживчивые в кабинетах, они готовы на все в деле защиты своей территории, их поддерживают люди, порой готовые взбунтоваться, если начальника снимут в угоду какому-либо клерку из финуправления.

К чему я нагородил этот ворох внешне спорных для большинства банальностей? А попробуйте-ка сие упростить, выдвинуть поперек сказанному обоснованную альтернативу, кроме: «Да все они бездарные сволочи!» — при этом стараясь не скатиться в скулеж либо непродуктивную ярость, но признавая, что все-таки они, гады, управляют, и управляют жизнеспособно.

Я сам именно из второй категории.

В городе у меня приятелей по служебной линии нет. Я не участвую и никогда не буду участвовать в традиционном для России негативном отборе в верхние эшелоны власти. Меня не любят, но меня не трогают. Например, потому что я первый, кто смог наладить отношения с тремя староверческими деревнями, которые отвергают образование, информационные каналы, социальное обеспечение и даже полицию, коя, честно сказать, просто плюнула на них — один хрен криминала там не бывает. Мало кто такое сможет оценить, как и мало кому объяснишь, что такое работать со староверами. А меня они признали.

Я не удивлен, что меня выбрали. Я удивлен, почему именно меня: ведь ниже по течению реки во главе поселений встречаются монстры покрупней и посильней меня. Какой фактор дополнительно лег на чашу весов?

А вы, господин Сотников, кого бы выбрали в начальники, будучи заправилой этого Дьявольского Хода? Директора завода? Нет, не тот опыт и не те привычки. Он хоть уволить может да других набрать, он премии лишить может и другим отдать. У него продукция есть и способ ее реализации. Там производство и, в самом идеальном случае, лимитированная по затратам социалка, а то и вовсе без нее. Здесь нужен опыт «автономки», когда на зиму река встает застругами и полыньями, а поселок заматает по крыши, когда грузовое сообщение по «нелетке» может месяцами отсутствовать. Когда излишне прижатый тобой народ готов разбежаться кто куда,

ибо это не Сочи, а возможные завлекалочка территории счетны и специфичны.

Начальник погранзаставы подошел бы. Может быть. Если он с гражданскими в округе крепко ладит и часто о них по-отечески думает, что в последний раз наблюдалось в советское время. Интересно, а ныне существуют отряды ЮДП — юных друзей пограничников, из местных деток, помогающих современным Карацупам ловить ползущих через Систему врагов?

А кого еще поставишь на такую задачу? Не главу же городского округа и не директора офиса фирмы в высотке. Так что надо бы начинать рулить, пока на красивой площади с брусчаткой не начали возникать «два и более автосообщества, вне зависимости от причин, целей и глубины разделения».

В который раз я опасливо взглянул на часы: уже три минуты восьмого.

Побежали стрелки, побежали! Сейчас именно время становится самым ценным событийным фактором — надо же, уже и сам начал думать на корявом языке устроителей-распорядителей... Затихающая на жестяном подоконнике частая дробь сигнализировала: за время ознакомлений и размышлений дождь полностью прекратился. Это меня не радовало. Пока с неба льет, можно было надеяться, что люди будут стараться сидеть кто где, а не собираться толпами для поиска виновного или для выработки «прорывных решений». Скорее всего, проснулись все не в одну секунду, судя по тому как постепенно нарастала плотность голосов и шагов во дворе, но время на знакомство есть. В любом случае я отвел себе на «кабинетную работу» еще пятнадцать минут — целых пятнадцать минут! — уж очень они мне были необходимы.

А сейчас нужно найти первых помощников.

Что я точно знаю — так это то, что предстоящую оргработу одному не повернуть и в отпущенное время не уложиться, даже мечтать не стоит. Можно сказать, мне сразу повезло: напротив окна стояли двое ребят лет пятнадцати в насквозь мокрых куртках и крутили в руках неизвестно где добытые железки вида кочерги. Авантюристы по возрасту. Пока родители жгут себе нервы, стараясь увидеть правду картинки, эти сбежали и наверняка уже облазили ползамка. Вот они мне и нужны, эти романтики чердаков и подвалов:

знаю я таких огольцов — им все нипочем. Я бы, конечно, предпочел своих пацанов, поселковых. Они не только лифт сломать умеют, они и сварочный агрегат запустят, и трактор перегонят, и лодочный мотор раскидают, и на охоте не промахнутся. Ну уж что имеем. Главное — не напугать. Молодые волчата таких годков давно научились вычленять возможные маяки уличной опасности и умеют быть осторожными. Никаких «ребятушки, пойдите к дяде» и «загляните мальчишки, что я вам шас расскажу». Потому вот так. Я надел на голову свою «кепку колумбийских командос», дабы принять более боевой и суровый вид, взял в руку лист со схемой и, встав боком в оконном проеме, сурово и несколько небрежно рывкнул баском:

— Бойцы! Да вы, вы, не оглядывайтесь. Господа, вы там важными делами заняты или сможете помочь командиру? Пора разруливать весь это бардак. Чем помочь? Расскажу. Давайте, не стойте столбами, времени очень мало, нас ждут великие дела, смело поднимайтесь по лестнице в кабинет башни, тут поговорим. — И я опять типа «погрузился в изучение секретного документа».

Сработало. Ибо приобщил. Говорил как со взрослыми, без сюсюканья, без повода для страхов и окошка для ответов. Парни коротко переглянулись и двинулись к башне. Вот тут мы им добавим красок.

— Да, вы свои томагавки-то прихватите, глядишь, и пригодятся.

Открыл двери нараспашку и вновь сел, продолжив работу со списком.

Как я и предполагал, мальчишки на лестнице все же остановились для короткого обмена мнениями, и, увидев открытую дверь, зашли в зал. Были они одинакового роста, поджарые, крепкие. Толстовки с капюшонами, яркие куртки из липовой кожи. Я поднялся, нарочито поправил кобуру на поясе, подошел ближе и, прямо глядя в глаза, представился, а затем и поздоровался за руку. Хорошие руки у парней, не «пять вареных сосисок». Представились и они. Белобрысый внешне спокойный выходец из Вятской губернии, с хмурыми светло-серыми глазами бойца знаменитого конвоя, — это Клим, он сирота, гостил на каникулах у дальних родственников. Второй хлопчик родом с Дона — напряжи-

ненный кареглазый живчик, под которым легко представить легкого казацкого скакуна, — назвался Сашкой. Он тут вместе с теткой, швеей быткомбината.

Сели, помолчали, присматривались друг к другу.

— Так, ребята, я вам не наврал, времени и вправду мало. Поэтому у меня есть всего две минуты, чтобы рассказать вам суть, а у вас столько же, чтобы мне поверить...

И я как можно более сжато выложил им ключевое. Судя по тому, как загорелись глаза моих потенциальных помощников, они мне поверили сразу. Или рискнули ради азарта? Нет, все-таки поверили, потому как жизнь еще не выдавила из них святости фантазии и сладости мечты. Звенящий возраст, берегитесь, драконы.

— ...Итак, о том, что ровно без двадцати восемь начнется общее собрание, должны узнать абсолютно все. Все! Кричите, убеждайте, привлекайте друзей, родителей, но дело надо сделать. Часов у многих нет, сотовые не у всех или сели, потому пусть собираются в церкви заранее. Я никак не могу, мне обязательно нужно посидеть с ручкой тут. У самих как с часами?

Как и ожидалось, никак: незачем ныне человеку на руке часы носить, как думалось многим счастливым, попавшим в число обитателей современных урбанистических теплиц. Но смартфоны еще держали заряд, время мы сообща синхронизировали.

— Ну пацаны, поехали. Все остальные вопросы потом. Да! Я буду на сцене, или что там найдется подходящего. Вы стойте где-то сбоку от меня и наблюдайте — мало ли что. Будете моей гвардией. Все, вперед!

Дождавшись, пока бригада с грохотом скатится по лестнице, облегченно вздохнул. И вернулся к столешнице, прикрыв перед этим узорные створки, чтобы несколько минут ничем другим не отвлекаться.

Тик-так. Тик-так. Начали.

ГЛАВА 2

Сотников А. А., глава администрации непонятно чего

Маленький дворик перед собором неизвестно зачем — и так тесно — был окружен декоративным каменным заборчиком высотой мне по пояс. Духовники в своем репертуаре,

выделяются, обозначают особость. Само здание выглядело мрачно, при воспаленном воображении могли почудиться монахи, шествующие вокруг нее гуськом со свечами в руках, как в одном, лет пятнадцать назад популярном западном видеоклипе. Огромные двери в собор приглашающе распахнуты, в сумраке высокого помещения — полифония людского гула и ропота. Монохромное серое небо чуть поднялось, разделилось на низкие, медленно плывущие облака, наполненные влагой. Перерыв в поливе. Но это, судя по всему, ненадолго. Температура воздуха повысилась на пару градусов, но все равно прохладно. Потому что утро, или это сезон и климат? Неизвестно пока.

Высокие стены здания покрылись подсыхающими потеками, слабо журчал умирающий водопад жестяной трубы-ливневки. Слуховые оконца подвала забраны решеткой из кованой полосы с мощными клепками. Ромашки маленького приходского садика блестели капельками, в углу двора стояли старые деревянные бочки (не винные ли?) в черных обручах, рядом грубая тачка, палки какие-то. Живописно, но сейчас не время разглядывать красоты.

Ну заходи.

Внутри собор выглядел непривычно, хотя тут я не эксперт — эти сооружения скоротечно видел три года назад, когда организованным туристом ездил в Германию. Сразу за входом торная тропа огибала с двух сторон огороженную перилами огромную нишу в полу с каменной лестницей вниз напротив входных дверей — и только потом выходила в высоченный зал с вытянутыми узкими окнами. Их было много, и потому света вполне достаточно. Шагая по центральному проходу между заполненными людьми скамьями, я держал свитки бумаг так, чтобы они бросались в глаза, одновременно якобы застегивая и поправляя на поясе кобуру якобы с «макаровым».

Сцены не было, зато имелся невысокий подиум с кафедрой, на котором мои юные якудза уже устанавливали три небольших стола и несколько стульев. Ай, молодцы! Ребятам помогали еще два их ровесника и юноша постарше. Похоже, уже создана молодежная банда.

Я положил документы на стол, туда же вывалил связку

ключей, встал впереди столов и поднял руку, прося тишины. Ух... Привычный ко всяким сборищам — скандальным с возмущенной общественностью, унылым отчетным или напряженным с начальниками, наполненными новизной идиотских кадровых или финансовых решений, — я давно уже так не менжевался, как сейчас, сердце колотилось дурью, что реально мешало начать. Вдох-выдох. Давай, давай, жми, Лешка. Без гонору, но и без провалов для непродуктивного спора с нытьем и стенаниями — перевожу: без пустого базара.

— Здравствуйте, меня зовут Алексей Александрович Сотников. Еще вчера, или даже сегодня, я был главой администрации поселка Заостровский в таежной части Енисея, Северо-Енисейский район Красноярского края. Хозяином сложного поселения, способного автономно жить и успешно работать в условиях непростого климата при плохих транспортных схемах. Но все это позади, и теперь я вместе с вами оказался здесь. Мне есть что сказать и что предложить, но сначала сделаем вот что...

Короткий перевод дыхания, быстро обвел глазами зал.

Хорошо, рты до поры закрыты. Лиц ясно различить пока не могу — не успеваю я сфокусироваться, нет времени рассмотреть, настроения еще не уловил. Но коллективное выражение общественного лица настороженное, даже напуганное, особенно у женщин.

— Всем, у кого есть наручные часы, еще не севшие смартфоны, телефоны или планшеты, предлагаю прямо сейчас выставить точное местное (последнее слово выделил с нажимом) время. Сейчас восемь часов утра, две минуты девятого.

Пауза. Теперь у всех есть время включиться в режим, заняться делом.

Это я специально. Люди получили первый якорек, первый элемент стабильности в новой пугающей среде. А еще пусть подумают, откуда мне это известно. Долго молчать не будем, чтобы никто дурной да инициативный не вылез. Рано еще кому-либо вылезать.

— В зале есть опытный или не очень секретарь-референт? Прошу сюда, мне будет нужна помощь.

После недолгого раздумья с четвертого ряда поднялась серьезного вида женщина лет сорока и направилась ко мне.

— Садитесь рядом со мной за стол, там чистая тетрадь и ручки, тетрадь разделите на листы. И внимательно прочитайте бумаги, — тихо сказал я. Секретаршам нужно доверять, это закон.

— Меня Нелли зовут.

— Отлично, Неля...

Тут меня сбоку дернули за рукав. Это Сашка подошел и, стоя позади, приподнялся, стараясь шептать на ухо:

— Дядь Леша, мы тут два боевых топора нашли. Настоящих, дядь Леш! Сняли со стены в караулке, там больше не было. Мы их за кафедрой поставили, если что.

Невозмутимый Клим, стоящий сбоку от кафедры, кивнул, показывая, что найденное оружие под присмотром.

— Спасибо, ребята, — так же тихо ответил, — будьте рядом.

— Вот ключ от главных ворот. — Я высоко поднял Главный Ключ. Красивый все-таки антиквариат. — Будем надеяться, что штурмовые группы медвежатников еще не успели заклинить замок вмертво.

Всегда полезно напомнить о возможных печальных последствиях торопливых и неумелых действий, это освежает.

— Сразу после собрания мы откроем ворота, так что все желающие смогут уйти, никто и никого держать тут не будет. Но прежде послушайте меня. Я постараюсь говорить так, чтобы заранее отвечать на легко, согласитесь, прогнозируемые вопросы. Думаю, они у большинства будут одинаковы.

Как ни крути, ключи, документы и оружие — всегда признак власти. Эти визуальные определители заставляют если и не уважать, то хотя бы задуматься о серьезности слов обладателя таких атрибутов.

— Как и вы, я очнулся в этом замке, в главной башне. Но есть одна важная деталь: я обнаружил рядом с собой небольшой набор интереснейших документов. Нет никакого сомнения, что и ключи, и бумаги мне подложили некие неизвестные нам пока устроители этой немислимой затеи.

Вот теперь внимание полное, притихли даже дети.

Разгневанного вида вставший в полный рост мужик, стремящийся раньше всех задать важнейшие вопросы «когда нас всех выпустят» и «где тут ближайшая электричка», опустил руку. Вот и славно. Друг или родственник потянул

его за руку, мужик нехотя присел, всем видом показывая, что он мне еще когда-нибудь задаст перцу.

— Итак, скажу о том, что я знаю или частично знаю, что я понял в той или иной мере, исходя из имеющихся данных. Первое: я совершенно уверен, что это не Земля. Точнее, не Земля в хорошо известном нам виде. Впрочем, я могу ошибаться и это — принципиально другая планета.

Народ зашумел, люди переглядывались, пока тихо комментируя друг другу услышанное. А ведь наверняка кто-то уже озвучивал именно эту версию! Не могло быть иначе. Жмем кнопку «воспроизведение».

— Аргумент «например»: например, мы имеем крупную полноводную реку, настоящую магистральную артерию, условно, средней полосы. Но на ней нет ни одного буя или бакена, нет знаков водной обстановки, нет вообще никакой навигации. Ни одно судно, ни одна лодка не прошла по реке — она пуста. На Земле такого просто не может быть — нет таких мест, — опять нажал я. Кстати, таких размеров река свидетельствует, что мы не на острове, пусть даже крупном. Это — материк. Материк с пустой рекой, без звуков моторов в воздухе, на земле и на воде. С чистейшим воздухом без признаков техногенных ароматов. Есть повод задуматься?

Быстрой, Сотников, быстрой!

— Я не могу вам сказать, какой сейчас месяц и день, даже какое время года, — у нас просто еще нет астрономических и климатических данных. Однако авторы переброски все же предоставили для анализа некую информацию. И поэтому всем желающим немедленно покинуть замок и выйти за ворота в поисках станции электрички сообщу, что окружающая нас среда обладает, как мне сообщено в записке, некой пока неизвестной нам степенью агрессивности. Я не знаю, что конкретно нам может угрожать: смерчи к вечеру или цунами в обед. Это могут бродить стаи волков и саблезубые медведи, а могут разгуливать вооруженные банды людей-отморозков или аборигенов-людоедов. Все, что вам будет угодно представить, выбирайте — до двадцатиметровых крокодилов из реки. С большой долей вероятности, в относительной близости от нас еще есть небольшие группы людей без замков, стен и наших возможностей. Каково их настроение и что это за люди — неизвестно... Я думаю, что им

еще тяжелей, чем нам. И тем не менее дверь в мир откроется, — указав рукой с Главным Ключом направление в сторону ворот замка, я как бы нечаянно положил руку на кобуру. Пусть вспомнят, кто я, и представят, как оно там, за стеной. Думайте, думайте. Хрен вам, граждане, а не электричка с пересадкой на автобус до центра.

Чувствовалось, как тяжело людьми воспринимается информация. Но в этом мне нельзя было никого жалеть, пока дрова не наломаны.

— Кроме того, у меня имеется переносной сканирующий трансивер. Я проверил все диапазоны. Ни на одной частоте нет никаких радиосигналов. Эфир пуст. Совсем пуст. Теперь о самом важном. Посмотрите еще раз на свои часы.

Опять возникла так нужная мне для перебивки «деловая пауза».

— Сейчас для нас самый важный фактор — именно время, — я значительно показал на свою «омегу», постучав ногтем по стеклу. — Потому что ровно в десять ноль-ноль, а лучше бы за несколько минут до контрольного срока, я должен подать хозяевам ситуации определенный знак, что их условие выполнено. И я его подам, согласен кто-то или нет. Это самое важное. Потому что выполнение условия откроет для нас некий канал, откуда можно, как я надеюсь, получать хотя бы крохи информации и, что определяюще, некую материальную помощь, пусть и в малых дозах. Это мы проясним. И тогда у нас будет антибиотик и кусок бинта, случись с вашими родными что нехорошее.

На таких собраниях ни в коем случае нельзя в паузах спрашивать толпу «это вам понятно?». Даже если всем и все понятно, вопросы посыплются, как из ведра, сбивая ритм и настрой, отвлекая на споры и перепалки. Вот мужчина, очень недовольно привстающий с места, чтобы пропустить девчонку, пробирающуюся к родителям, — он явно горазд. Вот три тетki-шептуньи, писаное воплощение скепсиса, любят и умеют, только волю дай. Ораторов хватит до утра.

— Условие перед нами поставлено простое и ясное. До указанного времени нам нужно, опираясь на собственные силы и кадровый состав, создать и запустить действенный и действующий, работоспособный коллектив нашего поселения. Это все, чего от нас потребовали. В противном случае

мы будем брошены на произвол судьбы и вскоре откатимся в каменный век. Мы сделаем это именно сейчас, без голосований и дебатов. Сделаем быстро, полным составом или нет, — я опять посмотрел на часы. — И только после того, как мы наладим систему жизнеобеспечения замка и всего населения в нем, начнем спорить, думать и размышлять. Для этого будет создана научно-исследовательская группа.

Пока что я успеваю предварять возникающие вопросы, выдавая на-гора очевидное и заранее показывая места в массиве, где меня спрашивать бесполезно. Но кое-что прорвалось.

— У меня важный вопрос! — поднялась женщина в темных очках.

— Вы уверены, что пять минут разбора вашего «важного вопроса» в случае их нехватки после провала собрания стоят неполученного лекарства для простывших детей?

— А с едой что-то прояснилось? — Не успел заметить кто.

— Дети давно уже есть хотят! Мы-то еще терпим, но малых надо кормить! — громко крикнул здоровенный мужик с бородой, стоящий вдаль у колонны вместе со своей семьей.

Хватит. Я сделал два шага вперед, чуть наклонил голову, стараясь зацепить взглядом одновременно как можно больше лиц. Говорил медленно, раздельно забивая слова в плотный от нервного напряжения воздух:

— Я. Сотников Алексей. Потомственный енисейский казак. Взял командование в свои руки только потому, что имею необходимый опыт. Я знаю, что и как нужно делать, имею план и представляю возможности. Обещаю, что сегодня у нас будет еда. Хоть какая-то, хоть что-то! Но накормим всех.

И вновь сумятица пересудов и оценок, на этот раз с одобрительными нотками.

— Приоритетов на ближайшее время два, и оба относятся к созданию системы жизнеобеспечения. Поясняю: нам просто нужно гарантированно выжить в ближайшие дни. Всем! После чего будем устраивать уже нормальную полноценную жизнь. Докладываю главные пункты программы, их три: это организация питания, в ближайшее время — котлового, и оборона замка от внешних угроз, для чего понадобится со-

здание боеготовного подразделения и создание медико-санитарного обеспечения.

Слушали почти все.

К этому времени народ расползся по залу кучками, это понять несложно.

Три семьи успели познакомиться да пересели потесней — со всеми домочадцами получается уже приличный кластер... мать его, словечко такое...

Из общей картины выделялись трое молодых мужиков вдали, справа от меня. Они слушали мельком, больше переговариваясь между собой, поглядывая по сторонам. Судя по лицам, чеченцы или аварцы. Люди явно тревожные. За-ши-бись. С этими просто не получится. Наглые насмешливые взгляды расчетливых хищников. Для этой бациллы тут сейчас самый питательный бульон. Растерянные и пока разобщенные мужчины, напуганные женщины. Торопись, Лешка, создавай костяк, мышцы потом нарастим.

— Моя личная задача: не должен погибнуть ни один ребенок и пострадать ни одна женщина. Извините, мужикам я того же не обещаю — не для этого нас рожали.

— Когда голосовать будем?! — выкрикнула женщина из первых рядов.

— Никогда, — отрезал я. — На ерунду нет времени, его у нас осталось совсем мало, вспомните, что я вам говорил. Голосование требует ясности и сытости. — Предупреждая недовольство, я поднял лист с алфавитным списком переселенцев над головой. — Здесь у меня записаны все вы. Да-да, и такой документ подкинули. Серьезный проект, говорю вам.

Тут выкриков стало побольше, но я их старательно не расслышал.

— Сейчас я начну вызывать сюда конкретных людей, буду предлагать им работу и должности. Согласие или несогласие выразите здесь, мне в глаза. Я понимаю, что времени для полного анализа своих или чужих решений просто нет. Доверьтесь же своим инстинктам, взвесьте все, что услышали и что передумали сами, это особо относится к людям семейным, прежде чем все-таки решитесь пойти искать в черном-черном лесу несуществующую электричку или никогда не забредавший сюда наряд полиции.

Повернув голову, я предупреждающе указал пальцем на одно из высоких окон собора, будто заметив через стекло нечто зловещее.

Переселенцы поневоле по большей части повернули головы друг к другу, советуясь и скоротечно споря. И я подлил в этот благодатный огонь последнюю чашку солярки:

— Напоследок скажу, что прекрасно понимаю, сколь невообразимо дорого стоит подобный проект переброски большой группы людей в заранее подготовленное место, тем более такое экзотическое. Вдумайтесь, какие силы должны быть задействованы! На нашей Земле все это просто не имеет и не может иметь никакого смысла. Если я прав, и это не Земля... А это не Земля. В этом случае вспомните, что американцы отказались от лунной программы в том числе и по причине ее чудовищной дороговизны. Американцы! Не потянули! Не потянули рейдов крошечных жестяных коробок с бочкой пороха позади и тремя отморозками внутри. И очень наивно будет кому-то думать, что жалобы, слезы и искреннее праведное возмущение заставят организаторов порвать акт приемки проекта чудовищной стоимости и выпустить плачущих на волю. Зачем? Для того ли все делано-устроено? Так что объединяемся, друзья! А с остальным разберемся, где наша не пропадала.

И тут совершенно неожиданно для меня кто-то захлопал в ладоши. Почин подхватили и вскоре хлопали хоть и далеко не все, но многие. Большинство, как мне показалось. А у меня отказали ноги. Заметил, как по залу пошел Сашка с двумя мальчишками, имен которых я не знал. В руках у них были длинноносые кувшины с водой и глиняные чашки. И кто в этом сообществе первые молодцы? Решено, сделаю из них своих телохранителей-кунаков.

Опираясь на стол, я глянул в список и выкрикнул первых двух:

— Лагутина Елена Михайловна, директор пансионата «Лесные зори», Новосибирская область! Бероев Руслан Владимирович, капитан, командир мотострелковой роты, 77-й гвардейский мотострелковый полк.

Поцеловав свою жену, первым к подиуму добрался капитан. Высокий, крепкий, лет тридцати на вид, мужчина в длинной зеленой куртке и почти такой же, как у меня, кепке.